

УДК 1(091):130.2:801.73

ПРАГМАТИКА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА И ЕГО СПОСОБНОСТЬ ДЕЛАТЬ ОБЫЧНОЕ ПРОБЛЕМАТИЧНЫМ

Пигалев А. И.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

E-mail: pigalev@volsu.ru

В статье исследуется прагматика ключевых философских текстов в качестве их способности оказывать влияние на читателей и побуждать их к действиям, которые ставят под вопрос предшествующее мировоззрение. Исходным является предположение, что каждый ключевой философский текст оказывает воздействие на бессознательно принимаемые и считающиеся обычными модели культуры и способен сделать их непривычными и чуждыми. Таким образом, с философским дискурсом связывается способность делать странными лежащие в их основе принципы или, иначе говоря, подвергать эти модели культуры «остранению». Поскольку исследование прагматики философских текстов выявляет проблемы общего характера, которые прежде в широком смысле затрагивались в риторике со времени раннего модерна, анализ ориентируется на прослеживание развития теории риторики в аспекте ее специфических антимодернистских тенденций. Выдвигается предположение, что, хотя «риторика» и не является ключевым философским термином, именно противостояние теории риторики рационалистической идеологии модерна могло бы прояснить смысл концепции перформативных высказываний в качестве значимого способа осмысления проблем, касающихся прагматики как устной речи, так и текста. Отсюда следует, что риторика, противодействуя стремлению к твердо установленной истине в том виде, как она была понята модерном с его научным рационализмом и рационализированным языком, взяла под защиту неформализованные неопределенности повседневности и неформализованные ассоциации, присущие повседневному языку. В этом контексте сравниваются оппозиция истинного и ложного с оппозицией «удачного» и «неудачного», присущей концепции перформатива. Исследование завершается сравнительным анализом логоцентрической и деконструктивистской интерпретаций перформативных высказываний, приводящим к выводу о неискоренимости риторического компонента языка.

Ключевые слова: философский текст, остранение, прагматика, риторика, перформатив.

Результатом профессиональной деятельности философа являются тексты, и главную роль играют те из них, которые можно назвать ключевыми, основополагающими или парадигматическими. Особое значение ключевых текстов заключается в том, что они выступают в качестве поворотных точек в истории мысли, поскольку в них явно или неявно содержатся описания, анализ и оценки теоретических моделей мышления, общества и культуры, претендующих на всеобщность. Ключевые философские тексты могут быть, во-первых, выражением рефлексии над существующим состоянием общества и культуры. При этом они выделяют и делают видимыми те принципы и формы мышления, которые неявно

определяют человеческую деятельность в качестве «неосознанной философии». Во-вторых, в ключевых философских текстах всегда выражается отношение к существующим формам общества и культуры, которые в своих повседневных проявлениях традиционно воспринимаются как обычные и кажутся единственно возможными. Однако в свете философского анализа эти повседневные проявления начинают выглядеть необычными, непривычными и потому проблематичными.

Вследствие своего критического и проектного потенциала ключевые философские тексты некоторым образом противостоят убеждению в универсальном характере повседневности и, таким образом, создаваемому ею впечатлению отсутствия других возможностей даже тогда, когда это противостояние не выражено отчетливо. Свидетельством этого является характерная реакция обыденного сознания на способность философии показать, что существующие формы культуры и мышления не являются единственно возможными. Эта реакция парадоксальным образом приобретает вид утверждений о бесполезности философии, ее оторванности от «жизни» (т.е., в сущности, ее привычных абсолютизированных форм) и, таким образом, ненужности философии для действия. Между тем, отрицание способности философского текста сразу же, т.е. непосредственно, побуждать к действию обуславливается тем, что исходящий от него импульс всегда попадает в сложную систему опосредований, и она скрывает не только возможности этого импульса, но и само его существование.

Более того, философия возможна только в обществах, в которых непосредственность так называемых личных отношений, отношений типа «лицом к лицу», заменяется сложными системами опосредования, делающими межлические связи значительно более сложными и безличными. Точно так же, переход от устной формы выражения мысли к письменной, т.е. появление философских текстов, обуславливается усложнением структур опосредования – прежде всего, письма. Письменная форма выражения, с одной стороны, позволяет излагать свои мысли в отсутствие реального собеседника, а с другой – обеспечивает возможность донести их до человека, не находящегося с автором в непосредственном контакте. Это означает, что воздействие философского дискурса на реальность, его способность «действовать с помощью слов» также возможны лишь опосредованно – после того, как под его влиянием произошли определенные изменения мышления в целом.

Необходимым условием является массовость этих изменений, которые должны достичь некоторой пороговой величины и начать существовать без какой-либо явной связи с самими ключевыми философскими текстами. Иными словами, должна существовать система средств, обеспечивающих распространение философских идей в таком виде, чтобы они могли вызвать интерес и стать понятными – хотя бы частично – на уровне обыденного сознания. Только таким опосредованным образом философский дискурс может привести к возникновению новых стандартов и автоматизмов мысли в самых разных областях человеческой деятельности. При этом, заступив на место прежних стандартов и автоматизмов, они со временем снова начинают казаться чем-то само собой разумеющимися .

Следует особо подчеркнуть, что переход от устной к письменной форме выражения мысли не является для философского дискурса чем-то привходящим. Он накладывает отпечаток на саму структуру философского мышления и существенно определяет тот способ, каким философия может побуждать к действию. Существенно, что процесс письма не может рассматриваться отдельно от процесса чтения, которое не является пассивным и должно пониматься как соучастие в производстве текста. Обозначая что-то, текст существует как знаковая система и в этом смысле, отнюдь не как означаемое (репрезентируемое), а как означающее или репрезентирующее. Поэтому он и должен быть прочитан именно в этом качестве, причем связь означающего с означаемым в процессе чтения может отличаться от связи, предполагаемой автором.

Должно быть учтено и то, что возникновение письменности оказало существенное влияние на структуру мышления в целом. Возникновение фонетического письма, преимущественно используемого философией, свидетельствовало о возникновении в обществе условий, способствующих формированию того аналитического, способного образовывать абстракции мышления, без которого невозможен не только философский дискурс, но и математика. Такое мышление представляет целое в качестве замкнутой системы, состоящей из конечного числа предметов в качестве ее элементов, и потому сама она может рассматриваться как некий обозримый предмет.

В противоположность тому, что прошлого устной речи не существует, и она может сохраняться, только будучи записанной, письменность превращает слова в некое подобие долгоживущих вещей. В результате текст всегда является многозначным вследствие его зависимости от уже существующих и новых текстов, которые выступают в качестве его постоянно усложняющихся контекстов [см. 2; 3]). Поэтому при исследовании философского текста должен изучаться не только этот текст как таковой. Не менее важны и его разнообразные контексты. Это означает, в частности, что и создателя философского текста, и его читателя необходимо рассматривать не как изолированных индивидов, а в их взаимодействии через посредство языка и друг с другом, и с различными контекстами.

Изменяя образ мысли, философский текст неизбежно изменяет и представление о контекстах, в которых он был прочитан и осмыслен. Следовательно, в анализе прагматики ключевого философского текста должно учитываться существование, по меньшей мере, двух контекстов, а также способность автора переходить из одного контекста в другой и обратно, что только и делает эти контексты сравнимыми. Главной особенностью второго контекста является способность делать проблематичным первый, т.е. то, что прежде казалось настолько обычным, что в восприятии оставалось за пределами различимости и вследствие этого не принималось во внимание.

Ключевые философские тексты изначально противостоят очевидности, поскольку в них ставится под вопрос существование обычного в качестве устойчивого и самовоспроизводящегося. Обычное становится странным или, если использовать термин, возникший в литературоведении, «остраняется» [4; 5, с. 77–164]. В результате такого «остранения», но уже в философском контексте, становится

ясно, что обычное, вопреки привычной для обыденного сознания видимости, не может считаться самодостаточным, и его искусственный характер обнаруживается со всей очевидностью. Это означает, что оппозиция двух различных контекстов философского текста сводится, в сущности, к оппозиции естественное/искусственное.

В этом смысле возникновение философии у досократиков, предполагавшее указание на то, что за чувственным восприятием скрывается некоторая сверхчувственная реальность – те или иные первоначала – стало исходной точкой «остранения», которое в философии продолжается и в настоящее время, неизменно выражаясь через посредство текста. Так, у Платона материальная действительность истолковывается как репрезентация вечных и бестелесных идей, а Гегель в «Феноменологии духа» говорит о некоем «мире наизнанку». Точно так же, Гуссерль стремится пробиться «к самим вещам», т.е. к некоторой изначальной непосредственности, с помощью процедур редукции, неизбежно «остраняющих» то, что считалось обычным в свете «естественной установки». Тем самым, обычное разоблачается как всего лишь ставшая привычной репрезентация некоторой иной реальности, стоящей за ним.

В итоге анализ приходит к старой проблеме противостояния логики как основы философского дискурса, претендующего на обладание универсальной истиной, и риторики как дискурса, имеющего дело с мнением, которое не может быть универсальным по самой своей сущности и потому выражающимся с помощью обыденного языка. Иными словами, за исследованиями прагматики философского текста обнаруживает себя проблематика, которая уже затрагивалась прежде, причем именно в контексте анализа риторики в условиях раннего модерна.

Так, когда философия делает обычное проблематичным, «остраняет» его, опираясь на логику и противопоставляя себя мнению и тому неформальному дискурсу, с помощью которого мнение выражается, она всегда обнажает сущность обычного. Однако в условиях раннего модерна дискурс, соответствующий обычному, не только относится к сфере мнения, которое, вообще говоря, иногда могло бы быть и истинным. Как и при противопоставлении логики риторике, философия раннего модерна начинает рассматривать мнение в качестве исключительно заблуждения, которое должно быть непременно преодолено.

В связи с этим необходимо отметить, что в современной философии (особенно в тех ее формах, которые сосредоточены на анализе проблематики генезиса модерна и особенно постмодерна), отношение к термину «риторика» является неоднозначным. В силу ряда причин этот термин, если и не вышел окончательно из употребления в философском дискурсе, то все же был почти полностью вытеснен понятием прагматики [6]. Несмотря на это, противостояние философии и логики, с одной стороны, и риторики (прагматики), с другой стороны, сохраняется. Его учет оказывается необходимым при реконструкции философии раннего модерна, основывавшейся на принципах нового научного метода, которые были сформулированы Ф. Бэконом и Р. Декартом. Именно они объявили то, что прежде считалось обычным, не только проблематичным, но и ложным. Философское

мышление и у того, и у другого должно начинаться с сомнения, с отбрасывания всего обычного и его превращения в нагромождение предрассудков.

В этом отношении парадигматичной для развития новоевропейской концепции риторики является позиция Дж. Вико, который считал, что главной задачей образования является не поиск философской истины, но подготовка к трудностям реальной жизни. По его убеждению, для достижения этой цели риторика с ее естественным фигуральным языком намного важнее, чем философия. Опасность, которую Вико связывает с философией, заключается в том, что, борясь с предрассудками, она способна уничтожить то, что поддерживает общественные связи и целостность общества [7, с. 54–70; 8, с. 59–66].

При этом Вико отнюдь не был противником нового научного метода, пытаясь лишь ограничить его монопольное влияние и, прежде всего монополию картезианского философского дискурса. Тем не менее, его отстаивание приоритета знаний, почерпнутых из повседневности, и соответствующего им фигурального языка, перед абстрактной философской истиной и столь же абстрактным формализованным дискурсом, ставило риторику в оппозицию к картезианским принципам формировавшегося модерна.

Противостояние риторики модерну было продолжено Ф. Ницше в его набросках к лекциям об античной риторике в 1872–73 гг. в Базельском университете [9]. Как и Вико, Ницше выступает против ничем не ограниченного распространения научной рациональности и, кроме того, против характерной для модерна практики «наставления в истине», которая предполагает предварительное разрушение предрассудков. При этом именно в риторике Ницше видит средство противодействия монополии научной рациональности. Он считает, что, основываясь на языковой репрезентации, язык научной рациональности своими ассоциативными связями всегда, вопреки своим собственным притязаниям, искажает обозначаемые им объекты. Тем самым, Ницше выявляет роль в языке тропов, т.е. фигур речи, в которых смысл обозначается именно с помощью последовательности ассоциативных связей, причем слово или фраза с этой целью изымаются из сферы их обычного употребления.

Более того, Ницше делает вывод, что никакого языка, который не был бы риторическим, попросту не существует, и язык изначально стремится передавать не истину, а мнение. На этом основании Ницше делает вывод, что язык вообще является не референциальным, а принципиально риторическим. Соответственно, в последующем развитии философских представлений о принципах риторики сохраняется тенденция ее рассмотрения в качестве силы, противостоящей модерну. При этом анализ по-прежнему сосредоточивается на исследовании и критике влияния на общество научной рациональности, однако, уже с учетом и той рациональности, которая присуща наукам об обществе [10; 11; 12].

Хотя в этом процессе развития само понятие риторики отходит на задний план, ее проблематика вновь становится актуальной в новом виде – в концепции перформативных высказываний Дж. Л. Остина. Возникающие здесь проблемы и трудности в концентрированном виде и наиболее полно отражаются в противостоянии констатирующих высказываний перформативным. Хотя концепция

Остина относится к языку в целом, она позволяет увидеть некоторые особенности философских текстов в плане их прагматики. Действительно, в свете концепции Остина ключевые философские тексты должны всегда содержать больше того, что изложено формально и что, как предполагается, является их полным смыслом. Они всегда содержат перформативный элемент, и не столько описывают некоторое положение дел, сколько оказывают влияние. Поэтому, будучи не только констатирующими, но и перформативными, они должны рассматриваться как истинные или ложные, но одновременно и как «удачные» или «неудачные».

В то же время, если все констатирующие суждения являются одновременно перформативными, то далеко не все перформативные суждения являются констатирующими. В результате особое значение имеет порядок приоритетов в бинарной оппозиции констативность/перформативность. Именно этот вопрос был главным в дискуссии, проходившей в 70-е годы прошлого века между Дж.Р. Сёрлом, который соглашался с пониманием перформативности самим Остином, и Ж. Деррида. В этой дискуссии впервые были четко обозначены два принципиально различных способа понимания перформативности, которые существенны и для понимания специфики философских текстов.

Если ограничиться только тем аспектом дискуссии, который имеет отношение к рассматриваемой проблематике, то следует указать на главную особенность позиции Деррида. Он, признавая перформативность исключительной характеристикой языка, в отличие от Остина и Сёрла, отрицал необходимость учитывать его констативный аспект [13]. В этом отношении интерпретация, которую концепция перформативности получила у Деррида, исходит из его основного тезиса о приоритете письма в качестве системы опосредования перед устным словом, голосом субъекта. Но именно голос, устная речь традиционно соотносятся с уровнем изначальной непосредственности. Более того, никакой непосредственности для Деррида не существует, и, в соответствии с этой логикой, все, с чем имеет дело человек, является более или менее сложно опосредованным.

Это означает также, что именно письмо как универсальная система означивания, т.е. опосредования, создает смыслы, не контролируемые субъектом, и потому эти смыслы не должны считаться приходящими извне, из мира вещей. Они, как постулируется в соответствии с парадигмой Ф. де Соссюра, создаются в процессе соотнесения знака со всеми другими знаками, т.е. через различия исключительно внутри самой системы означивания. С одной стороны, Деррида принимает по умолчанию толкование «логоса» в качестве «собранный», внутренне дифференцированного единства многого (о чем много и выразительно писал М. Хайдеггер) и, в то же время, самого принципа структурирования. Это предполагает существование в совокупности различий некоторого упорядочивающего центра и ведет к логоцентризму. С другой стороны, отказ от признания наличия такого центра означает, что совокупность различий становится неупорядоченной и представляет собой противоположность логоцентризму, который присущ позиции Остина.

В соответствии с этим пониманием, Деррида подвергает резкой критике утверждение Остина о том, что перформативное высказывание, произнесенное не в реальной жизни, а актером на сцене, который всего лишь играет, представляет собой

особый случай. Остин в рамках своей концепции толкует этот случай как паразитическое использование языка [14, с. 22], не вкладывая, впрочем, в термин «паразитический» никакого этического смысла. Деррида, со своей стороны, подчеркивает, что паразитом, в соответствии с данной логикой, неизбежно должно оказаться письмо, которое он сам, однако, рассматривает как принципиально первичное, а отнюдь не как посредника. Естественно, что в свете такого понимания письмо уже не может быть паразитическим, т.е. означающим, которое некоторым образом существует за счет означаемого [15, с. 364–372].

Деррида также обращает внимание на то, что отношение к письму как к чему-то вторичному вообще характерно для философской традиции. В итоге зависимость одного члена любой бинарной оппозиции от другого, имеющая чисто логический характер, у Деррида трактуется как утверждение о такой вторичности письма, которая явно имеет этический смысл. Напротив, со сведением языка к чистому перформативу, оперирующему лишь «удачными» и «неудачными» высказываниями и не признающему «ценность истины», Деррида связывает некие освободительные тенденции, сопутствующие объективно происходящей автономизации процесса означивания [16]. Иными словами, опосредованные структуры, прежде всего письмо, обретая автономность, должны пониматься как первичные.

Это связано с постулатом, согласно которому означаемого как изначальной непосредственности просто не существует, что открывает возможность отказаться от бинарных оппозиций, ниспровергнуть иерархии и, таким образом, разрушить принудительность структуры логоцентризма [17, с. 49–50]. В итоге должна быть окончательно преодолена и метафизика присутствия в качестве логоцентрической модели репрезентации. Между тем, если перспективы такого преодоления выглядят неочевидными, то процесс разрушения идентичности субъекта в качестве автора любого текста, в том числе, и философского, вполне может быть отслежен и зафиксирован. Эта известная «смерть автора», и она проявляет себя, прежде всего, как усиление бессознательных факторов в процессе создания и письменного выражения философских концепций.

В целом же, как представляется, значение дискуссии между Сёрлом и Деррида определяется тем, что в ней была впервые затронута проблема статуса изначальной непосредственности в понимании языка. При этом прямо противоположные позиции сторон, несомненно, способствовали лучшему пониманию важности и следствий того или иного решения этой проблемы. Критика логоцентризма, усматриваемого Деррида в традиционном понимании текста, которое исходит из приоритета непосредственности (устной речи) перед опосредованием (письмом), основывается на отказе от традиционного тезиса об изначальности именно непосредственности вообще. Это означает, что исходный порядок приоритетов уже перевернут, и языку в целом приписываются те характеристики, которые присущи лишь письму. Между тем, превращение письма в некоторое исходное состояние, отвергая опосредующий, замещающий характер языка, соответствует парадоксальному состоянию опосредования без изначальной непосредственности.

В свою очередь, парадоксальность состояния автономности означающего, в котором опосредованное считается непосредственным, не менее парадоксально

свидетельствует о неискоренимости риторики, которая, вопреки ожиданиям, отнюдь не исчезает в процессе стремления языка к предельной строгости. В результате становится очевидным, что риторика с ее фигуральным языком и тропами все же не может рассматриваться в качестве чего-то внешнего для якобы уже изначального рационального, строго формализованного дискурса, который исключал бы неконтролируемую игру замещений и, следовательно, искажений исходного смысла. Неискоренимость риторики, дающая о себе знать при анализе прагматики философского текста, соответствует устойчивости обычного с его «здравым смыслом». Это подчеркивает сохраняющуюся актуальность проблемы репрезентации как перехода от исходной непосредственности к определенным образом формализованному опосредованию.

Список литературы

1. Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Пер. с нем. Н. Ман. Вступит. ст. Н. Вильмонта, коммент. и указатель А. Аникста. – М.: Художественная литература, 1981. – 687 с.
2. Ong W.J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. 30th anniversary ed. – London and New York: Routledge, 2002. – XXX, 232 p.
3. Goody J. The Power of the Written Tradition. – Washington and London: The Smithsonian Institution Press, 2000. – VIII, 192 p.
4. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 9-25.
5. Robinson D. Estrangement and the Somatics of Literature: Tolstoy, Shklovsky, Brecht. – Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 2008. – XX, 317 p.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с фр. Н.Ф. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998. – 160 с.
7. Ijsseling S. Rhetoric and Philosophy in Conflict: An Historical Survey. – The Hague: Nijhoff, 1976. – II, 142 p.
8. Hobbs C.L. Rhetoric on the Margins of Modernity: Vico, Condillac, Monboddo. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press: 2002. – XII, 212 p.
9. Nietzsche F. Darstellung der antiken Rhetorik (1872-73) // Friedrich Nietzsche on Rhetoric and Language. Edited and Translated with a Critical Introduction by S.L. Gilman, C. Blair, D.J. Parent. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1989. – P. 2–193.
10. Burke K. A Rhetoric of Motives. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. – XVIII, 340 p.
11. Wess R. Kenneth Burke: Rhetoric, Subjectivity, Postmodernism. – Cambridge, UK; Cambridge University Press, 1996. – XXII, 262 p.
12. Bygrave S. Kenneth Burke: Rhetoric and Ideology. – London and New York: Routledge, 1993. – XII, 123 p.
13. Moati R. Derrida/Searle: Deconstruction and Ordinary Language. Trans. from the French by T. Attanucci and M. Chun. – New York: 2014. – XXII, 138 p.
14. Austin J.L. How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – VII, 167 p.
15. Деррида Ж. Подпись Событие Контекст // Деррида Ж. Поля философии. Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2012. – С. 349–375.
16. Derrida J. Limited Inc a b c... // Derrida J. Limited Inc. Trans. from the French. – Evanston, IL: Northwestern University Press, 1988. – P. 29–110.
17. Деррида Ж. Позиции. Пер. с фр. В.В. Бибихина. – М.: Академический проект, 2007. – 160 с.
18. Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Т.В. Анисимовой. – М.: Праксис, 2003. – 272 с.

Pigalev A. I. The Pragmatics of Philosophical Text and the Latter's Power of Making the Ordinary Questionable // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 1. P. 66–75.

The paper scrutinizes the pragmatics of the key philosophical texts as their ability to have an effect on the readers and to spur them into action that brings the previous worldviews into question. It is assumed that in the process every key philosophical text operates on the unconsciously admitted and reputedly ordinary patterns of culture and can make them unfamiliar and estranged. As far as the scrutiny of the pragmatics of philosophical texts reveals the general problems that were handled to wide extent in rhetoric since the early modernity, the analysis focuses on the development of rhetorical theory from the aspect of its peculiar antimodernist trends. It might be supposed that albeit “rhetoric” is not a key term of philosophy, it is the opposition of rhetorical theory to the rationalistic ideology of modernity that could clarify the meaning of the concept of performative utterances as the relevant construal of the problems concerning the pragmatics of both oral speech and text. This implies that rhetoric, having been in opposition to the desire for the fixed truth as it was understood by modernity with its scientific rationalism and its rationalized language, became the upholder of nonformalized incertitudes of everyday life and the nonformalized associations of the usual language. In this context the opposition between true and false is compared with the opposition between “felicitous” and “infelicitous” that is inherent in the concept of the performative. The study is concluded with the comparative analysis of the logocentric and deconstructivist interpretations of performative utterances.

Keywords: philosophical text, estrangement, pragmatics, rhetoric, performative.

References

1. Ekkerman I.-P. Razgovory s Goethe v poslednie gody ego zhizni [Conversations with Goethe in the Final Years of His Life]. Per. s nem. N. Man. Vstupit.st. N. Vil'monta, comment. i ukazatel' A. Aniksta. Moscow, Khudozhestnennaya literatura, 1981, 687 p.
2. Ong W.J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. 30th anniversary ed. London and New York, Routledge, 2002. XXX, 232 p.
3. Goody J. The Power of the Written Tradition. Washington and London, The Smithsonian Institution Press, 2000, VIII, 192 p.
4. Shklovsky V.B. Iskusstvo kak priyom [Art as Technique] // Shklovsky V.B. O teorii prozy [On the Theory of Prose]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1983, P. 9–25.
5. Robinson D. Estrangement and the Somatics of Literature: Tolstoy, Shklovsky, Brecht. Baltimore, MD, The Johns Hopkins University Press, 2008, XX, 317 p.
6. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]. Per. s fr. N.F. Shmatko, Moscow, Institut yeksperimental'noy psikhologii, St. Petersburg, Aleteya, 1998, 160 p.
7. Ijsseling S. Rhetoric and Philosophy in Conflict: An Historical Survey. The Hague, Nijhoff, 1976, II, 142 p.
8. Hobbs C.L. Rhetoric on the Margins of Modernity: Vico, Condillac, Monboddó. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 2002. XII, 212 p.
9. Nietzsche F. Darstellung der antiken Rhetorik (1872-73). Friedrich Nietzsche on Rhetoric and Language. Edited and Translated with a Critical Introduction by S.L. Gilman, C. Blair, D.J. Parent. New York and Oxford, Oxford University Press, 1989, P. 2–193.
10. Burke K. A Rhetoric of Motives. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1969, XVIII, 340 p.
11. Wess R. Kenneth Burke: Rhetoric, Subjectivity, Postmodernism. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1996, XXII, 262 p.
12. Bygrave S. Kenneth Burke: Rhetoric and Ideology. London and New York, Routledge, 1993, XII, 123 p.
13. Moati R. Derrida/Searle: Deconstruction and Ordinary Language. Trans. from the French by T. Attanucci and M. Chun. New York, 2014, XXII, 138 p.
14. Austin J.L. How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Oxford, Oxford University Press, 1962, VII, 167 p.

15. Derrida Zh. Podpis' Sobytie Kontekst [Signature Event Context]. Derrida Zh. Polya filosofii [Margins of Philosophy]. Per. s fr. D.Yu. Kralachkina. Moscow, Akademicheskii proyekt, 2012, P. 349–375.
16. Derrida J. Limited Inc a b c... // Derrida J. Limited Inc. Trans. from the French. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1988. P. 29–110.
17. Derrida Zh. Pozitsii [Positions]. Per. s fr. V.V. Bibikhina. Moscow, Akademicheskii proyekt, 2007, 160 p.
18. Burdiye P. Politicheskaya ontologiya Martina Khaideggera [The Political Ontology of Martin Heidegger]. Per. s fr. A.T. Bikbova, T.V. Anisimovoy. Moscow, Praksis, 2003, 272 p.